

С Л У Ж У Ч Е Л О В Е Ч Е С Т В У

«Я принадлежу человечеству как художник и ему я служу. Искусство мое — искусство всемирное. Буду работать в нем, сколько достанет сил и таланта, буду, хочу жить добротой и любовью к человечеству, к самому дорогому и великому, что создала жизнь, — к человеку, к Ленину».

А. П. ДОВЖЕНКО.

Каждое крупное явление в истории мировой культуры своеобразно и неповторимо. Неповторим и своеобразен каждый из великих мастеров культуры. Когда же мы имеем дело с людьми, создававшими кинематографическое искусство, то неповторимость их творчества обусловлена не только особенностями дарования, но и тем, что они были первооткрывателями новых возможностей эстетического освоения действительности.

Рождение киноискусства неразрывно связано с именами

догмы, но в котором видел кратчайший и разумнейший путь к переделке мира и самого человека на самой научной и справедливой основе. Поэтому всякой своей новой работой, всяким своим выступлением перед людьми, всякой написанной им строкой он сражался за коммунизм, используя для этого прежде всего кинематограф, видя в нем самое могучее, действенное свое оружие.

Созданные Довженко кинофильмы завоевали себе мировую славу. При жизни автора о них много спорили. Ныне можно считать общепризнанным, что Довженко — один из крупнейших мастеров советского и мирового киноискусства. Обратимся к списку его работ: «Звенигора», «Арсенал», «Земля», «Иван», «Аэроград», «Щорс», «Мичурин», сценарий и начало работы по постановке фильма «Поэма о море», который так мужественно и после-

и по-новому решал их, что не знал слова — остановка. При этом весь творческий путь этого беспокойного художника был отмечен единством его основных эстетических принципов, этических и философских взглядов, единством отношения к действительности, к жизни, к прошлому, настоящему и будущему родной страны, всего Советского Союза и всего человечества.

Довженко был с детства страстно разумного созидания мира. Жизнелюбие его менее всего грешило статическим созерцанием красоты. Напротив, оно раскрывалось наиболее полно в стремлении обнаружить красоту там, где кипел труд, где человек вступал в сражение с косными силами жизни, вырастая в воителя, в бойца, в рыцаря нового времени. Так, художник вшивался в строительство городов, школьное обучение и воспитание молодежи, устройство художественных выставок. Всюду, где только мог, Довженко насаждал сады. Он бледнел от гнева, когда наталкивался на самодовольную тупость, равнодушные и ограниченность предвзятых суждений, и ликовал, когда встречал единомышленников. Возвышенный пафос любого его сочинения, любого фильма яростно служил революционной перестройке мира, прежде всего — самого человека.

Жажда узнать, а узнав, передать людям во имя улучшения и украшения жизни стала главной чертой его творчества. С этим он пришел в искусство и с этим ушел из него, оставив в родной семье советских людей, советских художников неизгладимый след, соразмерный весу, остроте

11 сентября

1974 года

исполняется

80 лет со дня

рождения

выдающегося

кинорежиссера

Александра Петровича

Довженко

и бескомпромиссности его могучего таланта. В рассказе «Сон» он как бы сам говорит о своем творчестве:

«Это была патетическая симфония о становлении моего советского строя на земле. Мой гимн Советской вселенной. Я создал его любовно и страстно, выковал серебряным молотом в самой горячей кузнице, вылил в невиданную до сих пор форму моего нового времени из всей бесконечности самых сложных звуковых сочетаний, разнообразных, противоречивых, как сама борьба».

На снимке: кадры из фильмов, созданных Довженко в разное время: «Арсенал», «Щорс», «Земля». Эти фильмы, рассказывающие о героической романтике первых лет Страны Советов, знают и помнят миллионы зрителей не только в нашей стране, но и за рубежом.

Эти и другие фильмы Александра Петровича Довженко помогают людям строить новую жизнь, бороться за светлые идеалы в жизни.

Д. Гриффита, Ч. Чаплина, С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, А. Довженко.

В ярмарочной суете и шуме за какую-то четверть века на глазах у публики сливалось, сменялось, формировалось новое, небывалое искусство, которому уже к середине столетия предстояло превратиться в самый могучий и всепобеждающий вид творчества.

Современная теоретическая мысль, разбираясь в процессе рождения нового искусства, обращает особое внимание на 20-е годы, когда кинематограф заявил о себе как об особом виде творчества, нашедшем свой самостоятельный язык. И в этом становлении кино как самостоятельного искусства роль его классиков — Эйзенштейна, Пудовкина и Довженко — признана всем миром.

Творчество Александра Петровича Довженко, не успевшего за свою шестидесятидвулетнюю жизнь осуществить все свои замыслы и намерения, обнаруживает натуру необыкновенную. Сфера интересов Довженко была так же безгранична, как безгранична сама жизнь. Его интересовало буквально все, что составляло жизнь современника, — человека эпохи Октябрьской революции, эпохи строительства социализма, эпохи покорения атома и космоса.

Дорога, начатая Довженко в середине 20-х годов, была проложена строго и прямо. Каждый своим фильмом он воевал за Советскую власть, за коммунизм, в который верил не как в отдаленную мечту или отвлеченную

довательно был завершен соратником и верным другом Довженко — его женой Ю. И. Солнцевой. Затем сценарий «Повесть пламенных лет», в постановке которого Солнцевой с еще большей полнотой удалось передать доженковский голос. Затем Ю. И. Солнцева с таким же глубоким пониманием творческой личности Довженко осуществила постановку третьего его, автобиографического, сценария, посвященного родной земле и воспоминаниям детства — сценария «Зачарованна Десна». И для всех этих произведений характерно то, что в каждой своей новой вещи замечательный мастер ставил перед собой новые задачи

Довженко — воин!

Помню, в 1942 году в наш 789-й арtpолк 251-й стрелковой дивизии Западного фронта приехала концертная бригада из тыла, состоящая из чтеца, танцора, певцов и музыкантов. Комиссар полка — батальонный комиссар Смирнов спросил тогда у актера-чтеца: есть ли в его репертуаре военные рассказы А. П. Довженко. Актер ответил, что знает на память рассказ «Стой, смерть, остановись!». Тогда Смирнов спросил его, за какое время он сможет разучить еще один рассказ «Ночь перед боем». При этом комиссар части сказал, что мы сейчас находимся в стабильной обороне и что начало концерта по времени можно и отодвинуть, но прочитать фронтовикам эти два произведения очень и очень нужно сегодня же.

Актеру вручили текст рассказа, напечатанного в газете. Через некоторое время солдаты собрались на концерт, состоявшийся под открытым небом.

Актер, фамилию которого, к сожалению, я сейчас не помню, посмотрел на присутствующих воинов так, как будто приглашал к приятной беседе. Чувствовалось, что между актером и слушателями сразу установился контакт. Приятно было не только слушать актера, но и смотреть на него. Какие у него были жесты! Они делали его выступление еще больше значащим. Он как бы дирижировал рассказами Довженко. Это была необыкновенная гармония слов и движений. Голос чтеца звучал с большой приподнятостью. Прозаический текст воспринимался как страстные, горячие, зажигающие стихи. И вместе с тем простые слова, которые он произносил, звучали в каком-то необыкновенном ритме — светло и торжественно. Временами рассказы читались под аккомпанемент наших и фашистских орудий, минометов и пулеметов. Я слушал и переводил взгляд с актера на солдат. Внимательно слушали все, каждый по-своему: задумчиво, заинтересованно. Безразличных не было. Один из пожилых солдат сидел под деревом, и, облокотившись о сучок, подпер рукою щеку и не замечал, как большие слезы одна за одной текли по его лицу. У многих воинов тогда были слезы. А глаза актера временами пылали огнем, его руки взлетали, как птицы.

Персонажи говорили доженковскими высокими словами, но было это так художественно убедительно, что это потрясало слушателей. Голос читавшего звучал звонко, убедительно. Но вот чтение закончилось. Послышались аплодисменты и одобрителные возгласы. Каждому бойцу хотелось выразить благодарность за эстетическое наслаждение. Признаюсь, такого разумного, глубокого и высокохудожественного выступления мы на фронте еще не слышали.

Помнится, как один солдат подошел к актеру, державшему в руке текст рассказа «Ночь перед боем», попросил этот текст и поцеловал его.

...Сколько лет минуло с тех пор! А воспоминание о том памятном дне, когда я впервые услышал слова вулканической силы Довженко-воина, этого беспощадного к врагам художника, до сих пор волнует сердце. Кажется, и сейчас звучат пламенные слова его рассказов, рожденные в огне войны и насыщенные пафосом, гневом и болью...

Г. М. ДОБРОВОЛЬСКИЙ,
офицер запаса.
г. Киев.